

Окончание. Начало — на стр. 1

Олег ЯНОВСКИЙ. Перспектива "глубинного государства" — некоторая идея, которая объединяет, оправдывает и объясняет, куда идти дальше. Она сравнима с идеологией, только в отличие от идеологии, которая задаёт конечную точку, у этой модели есть лишь точка, где мы сейчас находимся, и дальше мы куда-то идём. Мы предполагаем, что должно случиться что-то хорошее, либо желаем избежать чего-то плохого. Но на этом особо не концентрируемся, поскольку нашей главной задачей является адаптивность. Мы постоянно должны адаптироваться под конкретный контекст, регулируя "подходимость" — соответствие идеи конкретному времени. По сути, строится последовательное повествование, которое отражает и продвигает определённую точку зрения или набор ценностей.

"ЗАВТРА". Другими словами, перед нами разворачивается рассказ, нарратив как описание, трактовка ситуации в том виде, как этого хочется некоторому субъекту, пусть даже множеству субъектов. При этом конкретная цель для нас неизвестна.

Олег ЯНОВСКИЙ. Здесь важно понимать, что нарративность в отличие от идеологии предполагает автономность от субъекта, создавшего изначальный нарратив, поскольку все эти рассказы являются открытыми для интерпретации, но в определённых рамках. И разрешения проблемы в режиме непрерывного повествования не предполагается. Такое длящееся повествование может быть оправдано какой-либо угрозой (типа экологической катастрофы) или возможностью (типа децентрализации), но важно, что не задаётся чёткое понимание, как может быть устранена угроза или достигнута желаемая возможность.

При этом подчёркивается, что помеха должна быть устранена или возможность достигнута, но развязка ситуации зависит от людей, вовлечённых в это повествование и обсуждение. Слово именно выбор человека определяет эту развязку. Вот, собственно, объяснение "стейкхолдерского капитализма" по Швабу. "Стейкхолдер" (англ. stake — доля, пай, holder — держатель, акционер, заинтересованная сторона) — это тот, кто влияет и участвует в обсуждении, в нарративе, и от него зависит развязка. Те, кто в нарративе — вхожи в группу, кто вне нарратива — на обочине истории. Это тонкий момент, который часто упускают.

"ЗАВТРА". Но он-то и не позволяет отойти от конспирологии, он несёт её в себе.

Олег ЯНОВСКИЙ. Согласен. У Шваба вышла в этом году книга "Великий нарратив". Её мало кто читал, хотя по ней было даже заседание в Ду-

бае. Эта книга — интервью с лидерами "стейкхолдерами". В ней описывается, какой нарратив должен быть, чтобы продвинуть "великую перезагрузку". Этим занимается ментально-материальный олигархат, действующий горизонтально, но имеющий, как я уже говорил, доступ к ресурсам, управлению идеями и человеческому опыту. Внутри этого олигархата провозглашается своего рода элитарный социализм. В идее Шваба предполагается, что люди на этом уровне должны быть абсолютно равны. Но в чём? В выражении своей точки зрения, в добавлении своих интераций к происходящему. Тут даже видится чуть ли не коммуна, во многом сравнимая с античным полисом и его несколькими сотнями граждан.

"ЗАВТРА". Или патрициан.

Олег ЯНОВСКИЙ. Да, и эти патриции всё решают, обеспечивая при этом видимость демократии. На самом деле, все знают, кто и как решает, и это не аристократия, а олигархат с сетью децентрализованных структур, движимых одной повесткой, находящихся в обсуждении этой повестки. И для этого нет необходимости иметь централизованное мировое правительство. Они на последнем форуме произнесли эти громкие слова "global government". Но мне кажется, это было сделано специально, чтобы люди это по-обсуждали, но не более того.

При внимательном прочтении последних книг Клауса Шваба обнаруживается его видение будущего. Он говорит, что государства не справились с устранением социальной несправедливости, вакцинацией, управлением кризисом во время пандемии, сдерживанием России и прочими угрозами. То есть тут намёк на то, что государство как таковое не способно выполнять свои функции, так как оно централизовано. Поэтому надо внедрить модель

целого. Вот это-то и предлагают Давос и Бильдерберг — горизонтальное согласование через эти две знакомые площадки.

На пике пандемии в американском журнале "Foreign Affairs" вышла большая статья о том, что государства не справляются с вызовами и должны быть заменены экспертными платформами, руководимыми лидерами индустрий и общественных мнений. Чистый олигархат сиракюзского типа.

Нормальным людям в принципе сложно представить, как такая модель может работать. Как олигархат может управлять государством? Это невозможно представить, ведь он движим всегда своими чисто олигархическими целями, мыслит олигархически.

В нынешнем противостоянии мы больше не имеем дела с Западом как с некоторым отождествлением западных государств. Мы имеем дело с новым субъектом глобальной политики — организационной структурой, кристаллизовавшейся шесть веков и на пике капитализма достигшей той формы, которую имеет сейчас. Это децентрализованная система координации управления, движимая единой повесткой, то есть множество центров принятия решений, движимых одной идеей или одним нарративом. Следует признать, что этот новый субъект глобальной политики существует, и что проталкиваемый им процесс, сопровождающийся внедрением новых идей, структур и порядка, предполагает не деглобализацию, а глокализацию, то есть глобализацию локальных производств и управление этими локальными производствами с помощью навязывания конкретной идеи.

ЖИМЕРА

Безыманный субъект мировой политики

Олег ЯНОВСКИЙ. Да, безусловно. Но что для этой публики означает "сочувствовать"? Кому? Тому, кто не смог выполнить квоту по "зелёной" энергетике либо поддержать внедрение нескольких "гендеров"? Или наоборот? "Зелёная альтернатива", "гендеры" и прочее — точки новой калибровки реальности, социальные маркеры, определяющие принадлежность к новой этике, политические формулы "своих" и "чужих".

Они говорят: "Вот вам идея, и если вы ей не соответствуете, мы вас выключим из истории". Уверяют притом, что эта идея самая лучшая, так как там всё заряжено под справедливость, экологию и так далее. Но она воплотится, если мы "децентрализуемся". А это означает, что решения будут приниматься горизонтально, олигархически.

"ЗАВТРА". А "деглобализация" в их обещаниях что означает?

Олег ЯНОВСКИЙ. Это самая проблемная вещь, между прочим... Мы сейчас много говорим про деглобализацию, регионализацию, про макрорегионы. Но у Шваба нет ни регионов, ни агломераций, поскольку это предполагает государственное управление. Он вводит новый термин. Это "локальная инклюзивность" или "инклюзивный локализм" (англ. inclusion — включение, инклюзивный — предполагающий включение кого-либо, чего-либо в общую картину, в какое-то множество). Речь идёт о возрождении локальной этики, что означает ограничение передвижения за ненадобностью, но соответствие при этом идеям инклюзивности. Инклюзивность, вообще, — главный столп "новой этики" от Шваба: живи локально, нигде не выезжай, но если хочешь быть частью локально-инклюзивной мировой экономики — соответствуй нашим новым этическим нормам.

"ЗАВТРА". Тогда почему говорят о деглобализации, если по-прежнему всё глобализировано?

Олег ЯНОВСКИЙ. Напомню, что о глобализации в мире заговорили, когда Индия и Китай запустили свои производства. Там появилась дешёвая рабочая сила, сырьё, продукция плюс упрощённое движение капитала. Если мы говорим про деглобализацию, то это уход от глобализации. А сейчас глобализация усиливается, идёт "на стероидах", вглубь. По сути, происходит взаимобмен не между государствами, а между локусами, некоторыми точками: индийский программист, африканский текстильщик, производитель воды в Курдистане — всё это конкретные люди... Этим демонстрируется отсутствие необходимости в государстве. То есть локальные коммуны могут

жить так же, как (каковы) в доробавладельческом строе. Я бы предпочёл для описания этого процесса использовать термин "глокализация". Он означает глобализацию локального производства.

"ЗАВТРА". Когда мы говорим о деглобализации, мы понимаем это как процесс восстановления разрушенных глобализацией суверенных национальных государств, правительств, национальной культуры, этики и традиций. А оказывается, что в их понимании государства по-прежнему будут разрушаться, а "новый дивный мир" должен строиться на автономных единицах, разделяющих навязанную постэтическую "норму"?

Олег ЯНОВСКИЙ. Примерно так. С этого обрыва, по Ницше, хотя столкнутся все государства. Исходя из чего? Раньше был индивидуализм, который атомизировал общество и разрушал государство. Теперь индивидуализм, как дискредитировавший себя вопиющей социальной несправедливостью, убирают, а на его место ставят локализм и говорят: "Зачем вам государство, если вы можете на уровне деревни сами всё себе сделать"? То есть, зачем вам из Аргентины в Казахстан везти говядину или наоборот? Всем гарантируют лабораторию под боком, где можно вырастить искусственное мясо. Ясно, что это корпоративная структура, и её внедряют люди, которые видят, что капитализм достиг своего пика или дна, а им необходимо поддерживать собственную власть. В связи с этим мы не должны думать, что они движимы исключительно политической формулой, глобальной идеей. Среди них много людей-практиков и далеко не глупых прагматиков.

Вообще же, Давос есть собрание классов близких людей, мыслящих в одном ключе. Главная их цель — деиндустриализация. Ведь что такое, если вдуматься, "локализация производства"? По сути, нам рекламируют уход в своего рода деревню — локализованную площадку. Для чего? Чтобы она была независима от государства, но вместе с тем подчинена глобальной идее, то есть была под их ментальным контролем. Классическое "разделяй и властвуй".

Ясно, что проталкивающие эту идею нового управления "поляны" своего будущего стерегут и отгоняют чужаков. Они стараются распространить свою систему управления на максимальное количество людей, внушая всем, что тот, кто не подстроится, будет выброшен на обочину или должен будет догнать. При этом они прекрасно понимают, что у них есть конкуренты: Китай, Россия, Индия.

"ЗАВТРА". Бразилия?

Олег ЯНОВСКИЙ. Не тот масштаб пока. И всё это, естественно, борьба за ресурсы. Чтобы при проведении этой глобальной махинации ограничить чужаков, надо придумать свою идею и объявить всем остальным, что они её недостойны. Как это уже работает на практике, мы видим постоянно: они приезжают в какую-либо страну, советуют им что-то и говорят: "Вы либо подстраиваетесь под нас, под наши идеалы и ESG (экологические, социальные и корпоративные стандарты), либо вы отстающие варвары, которые недостойны нашего великого консультационного опыта". Все мозговые центры и консалтинговые фирмы работают именно так.

"ЗАВТРА". И рейтинговые агентства, которые говорят примерно то же самое: "Если вы хотите иметь успех вне вашего государства, то, пожалуйста, соответствуйте определённому рейтингу, а рейтинговать вас будем мы. А чтобы мы вас хорошо прорейтинговали, вы должны выполнить определённые требования". И происходит подчинение, совершенно прозрачное...

Олег ЯНОВСКИЙ. Конечно. Поэтому мы очень обрадовались, когда после февраля такие западные компании ушли из России. Но, к сожалению, многие вскоре вернулись переименованными. Все люди остались, а следовательно, и сбор информации, и промышленный шпионаж, и агентура влияния... А ведь это действия типичной метрополии, которая навязывает колонии своё видение. Поэтому нам необходимо выработать идеюную независимость от любых такого рода практик. Нам противостоят гигантский децентрализованный институт западных элит. У нас не идёт речь об отдельных государствах с той стороны. Мы все прекрасно видим, что западные государ-

ства идут прахом, а новый западный субъект вполне реализует свою повестку дня. Надо учитывать этот новый субъект международных отношений. Нельзя больше мыслить только в классических терминах суверенитета, реализма, либерализма и так далее.

Так как новый субъект — это и институт, и олигархия, то есть всего две вещи, которые определяют их существование. Это статус, который позволяет им доминировать и процветать, и процесс, которым занимается бюрократия. У них есть правила, формальные и неформальные, что можно делать, а что нельзя, что можно говорить, а что нельзя, исходя из соответствия конкретной перспективе. Эти практики, процессы и эту статусность они навязывают нам. Если ты не воспользовался услугами консалтингового агентства, не следуешь практикам ESG, — значит, ты не соответствуешь уровню людей первого мира.

Это типичное интеллектуальное порабощение, ментальная или когнитивная война на уровне смыслов.

Есть ещё один важный аспект, о котором мы забываем. У нас централизованная система, у них — децентрализованная. А значит, у них нет конкуренции. Существует единая группа как некий абстрактный "проспект", и никто больше не может предложить ни альтернативную идею, ни альтернативную структуру. Чтобы предотвратить саму возможность появления идей из других источников, они на вооружение всегда берут левые и радикальные идеи — ими легче заразить людей. А правые идеи обычно более взвешенные и реалистичные. Чтобы заразить людей харизматической идеей, на Западе нужно шекотать мозги чем-то "радикальнее". У "давосских" это получается.

Поскольку у них на Западе нет конкурентов (никто не создал столь масштабных координационных и аналитических структур), они захватывают огромное поле для социальных экспериментов: от вакцинации и контроля над рождаемостью до криптовалют и ограничения передвижения. Западные западные обыватели теряют всё. Идейной и организационной альтернативы пока нет. Поэтому над людьми там глумятся, как хотят.

"ЗАВТРА". Хорошо, что на нашей памяти была альтернатива всему этому мракобесию самим фактом существования СССР. А что нас ждёт впереди, согласно прогнозам, сделанным на этих двух недавних полуоткрытых заседаниях?

Олег ЯНОВСКИЙ. Продолжение социальных экспериментов, глокализация, внедрение новой этики. Ближе к середине января стоит ждать, видимо, извод очередной пандемии с локдаунами. И мировая рецессия с гигантской инфляцией. Разрыв логистических цепочек, который нужен им для сломки контроля государств над ресурсами.

Единственный способ разрешения накопившихся объективных противоречий — это войны. Я тут не пытаюсь никого запугать, но это неизбежно. Мир ожидает новое силовое перераспределение, государства сойдутся в схватке с этой децентрализованной сетью. Давление этой сети нарастает, мы видим примеры внедрения новых этических форм, нового религиозного сознания, появление всё новых сект — армии "коучей", гадалок, астрологов, гендерных субкультур. Это заменяет отсутствующую идеологию, которая могла бы объяснить картину мира. На Западе разрастается хаос в душах людей. И Россия сейчас противостояит не западным государствам, а этому горизонтальному бесовскому олигархату.

Мы видим, что и "давосцы", и "бильдерберги" обсуждают Украину. Бильдерберг — это чисто разведывательная структура, её создали американская и британская разведки в 1960-х годах. Мы видим, как они блудят свои интересы, не обращая внимания на государства, даже не упоминая их. Их уровень координации — другой. И нас, судя по всему, в скором времени ожидает напряжённая борьба русской и китайской государственных моделей с западной горизонтальной олигархической моделью. Исход этой битвы определит историю и то, как именно будет выглядеть новый мир. А он точно будет новым.

"ЗАВТРА". Олег Сергеевич, благодарю за беседу!

Беседовал Сергей ХАРЦЫЗОВ

На фото: горгульи на обгоревшей крыше собора Нотр-Дам де Пари

УПРАВЛЯЕМАЯ КОНКУРЕНЦИЯ

Особенности противостояния США и КНР

Окончание. Начало — на стр. 1

НЕСМОТЯ НА НЕКОЛЬКО попыток скорректировать курс экономической политики (но не политики в отношении COVID-19), признаков восстановления мало. В руководстве КПК, по мнению Радда, возникли опасения, что идеологическая перестройка Си традиционной китайской экономической модели может в конечном итоге помешать стране обогнать Соединённые Штаты как крупнейшую экономику мира.

В свете этих тенденций нынешний взгляд Пекина на мир стал более тонок, чем можно было бы предположить из его официального повествования о том, что "Восток поднимается, а Запад падает".

Существует также важная задача для Си в связи с проведением XX съезда партии Китая, который состоится этой осенью. Хотя стране маловероятно, пишет Радд, что Си столкнётся с какими-либо серьёзными проблемами в связи с его запланированной кандидатурой на третий срок в качестве главы КПК, остаётся неясным, удастся ли ему обеспечить все предпочтительные им назначения в следующей экономической команде партии, включая премьер-министра. Тем не менее Си явно заинтересован в том, чтобы до конца года не было сюрпризов. По этим причинам, полагает Радд, у Пекина есть стимул стабилизировать свои отношения с Вашингтоном, по крайней мере, временно, но это не означает, что Китай изменит свою долгосрочную стратегию.

ПОДВЕРЖЕНЫ АВАРИЯМ

Администрация Байдена внимательно следила за развитием событий в Китае. Но она в равной степени осознавала собственные проблемы. К ним, по мнению Радда, относятся: — трудности с принятием Закона США об инновациях и конкуренции и других законов, необходимых для будущей международной конкурентоспособности Соединённых Штатов; — надвигающаяся политическая неопределённость вокруг промежуточных выборов и их последствия для президентских выборов 2024 года; — восприимчивость к нападкам республиканцев по поводу любой корректировки стратегии США в отношении Китая, которая может быть представлена как слабость;

— военные увязимости в случае внезапной эскалации на Тайване или в Южно-Китайском море, несмотря на усилия администраций Трампа и Байдена сократить разрыв в военном потенциале; — неспособность до сих пор компенсировать растущее региональное и глобальное экономическое влияние Китая, учитывая глубоко протекционистские настроения в Конгрессе США; — скептицизм среди друзей и даже официальных союзников США в отношении долгосрочного превосходства Вашингтона, его стратегической надёжности и политической воли оставаться доминирующей державой в мире.

По этим причинам ни у Китая, ни у США нет политического аппетита к случайному кризису или конфликту. Тем не менее, **риск непреднамеренной эскалации реален, и он растёт.** Недавний опасный перехват Народно-освободительной армией (НОАК) разведывательного самолёта P-8 Королевских ВВС Австралии над Южно-Китайским морем, который легко мог привести к крушению австралийского самолёта, является лишь одним из многих примеров инцидента, который мог быстро перерасти в кризис. В этом случае условия американско-австралийского договора об обороне 1951 года вполне могли обязывать Соединённые Штаты встать на непосредственную защиту Австралии, если бы инцидент принял фатальный оборот.

УПРАВЛЯЕМАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ

Радд предлагает воспользоваться принципами концепции "Управляемой стратегической конкуренции", которую он несколько лет развивает. Концепция состоит из четырёх основных элементов. Во-первых, Соединённым Штатам и Китаю необходимо установить чёткое и детальное понимание жёстких стратегических границ друг друга, чтобы снизить риск конфликта из-за просчётов. **Детальное понимание таких красных линий должно быть достигнуто в таких важных областях, как Тайвань, Южно- и Восточно-Китайское море, Корейский полуостров, киберпространство и космос.** Понимание красных линий друг друга не требует соглашения о легитимности этих красных линий. Это было бы невозможно. Но обе стороны должны прийти к выводу, что стратегическая предсказуемость выгодна, что

стратегический обман бесполезен, а стратегическая неожиданность просто опасна. Затем каждая сторона должна создать барьеры в своих отношениях с другой стороной, которые уменьшат риск недопонимания, в том числе путём создания необходимого диалога на высоком уровне и механизмов кризисной коммуникации для наблюдения за любыми такими договорённостями.

Во-вторых, установив такие барьеры, обе страны могут вести смертельную стратегическую конкуренцию на протяжении большей части своих отношений, направляя своё стратегическое соперничество в гонку за усиление своей экономической и технологической мощи, своего внешнеполитического присутствия и даже своего военного потенциала. Эта гонка также включает в себя идеологическую конкуренцию за будущее международной системы. Но, что особенно важно, это будет управляемая, а не неуправляемая стратегическая конкуренция, что снижает риск того, что она может перерасти в прямую вооружённый конфликт.

В-третьих, управляемая стратегическая конкуренция должна обеспечивать политическое пространство для сотрудничества в тех областях, где совпадают национальные интересы, включая **изменение климата, глобальное здравоохранение, глобальную финансовую стабильность и распространение ядерного оружия.**

Радд пишет, что "может показаться, что это легко сказать, но невозможно сделать. Однако стоит помнить, что после почти смертельного опыта Кабрибского кризиса 1962 года Соединённые Штаты и Советский Союз в конце концов договорились о ряде стабилизирующих договорённостей, позже закреплённых в Хельсинкских соглашениях 1975 года, которые позволили им провести ещё 30 лет напряжённой стратегической конкуренции, не разжигая полномасштабной войны".

СТРОИТЕЛЬНЫЕ ОГРАЖДЕНИЯ

Судя по публичной перестрелке между Пекином и Вашингтоном, похоже, что у них может не быть особого интереса к стабилизирующей структуре, такой как управляемая стратегическая конкуренция. На своей первой встрече с госсекретарём США Энтони Блинкеном в марте 2021 года высокопоставленный китайский дипломат Ян Цзечи перешёл на почти беспрецедентный

уровень публичной брани, прочитав Блинкену лекцию о "глубоко укоренившихся" проблемах США, таких как расизм. Обмен мнениями продолжился между министром обороны США Ллойдом Остином и министром обороны Китая Вэй Фэнхэ в Сингапуре в июне 2022 года, когда Вэй намекнул, что Соединённые Штаты были настоящим "вдохновителем" войны России на Украине.

Однако под поверхностью, кажется, развивается что-то новое. В июле 2021 года заместитель госсекретаря Уэнди Шерман встретилась с министром иностранных дел Китая Ван И в Тяньцзинь и потребовала "установить ограждения в отношениях". Это, в свою очередь, стало предметом критического первого разговора между Байденом и Си, который был воспринят в Пекине как очень позитивный сигнал. Ко времени первого виртуального саммита двух лидеров, в ноябре 2021 года Байден открыто **подтверждал необходимость ограждений, основанных на здравом смысле, чтобы гарантировать, что конкуренция не приведёт к конфликту, и чтобы линии связи оставались открытыми.**

На экономическом фронте недавний контакт между министром финансов США Джанет Йеллен и вице-премьером Китая Лю Хэ по поводу состояния мировой экономики, соглашение о стандартах бухгалтерского учёта для возможного возобновления листинга китайских компаний на Нью-Йоркской фондовой бирже и сотрудничество между США и китайскими торговыми переговорщиками на встрече Всемирной торговой организации по механизмам разрешения споров указывают на положительное направление взаимоотношений. Как и предварительный прогресс внутри Вашингтона и между Вашингтоном и Пекином в отношении возможности снижения или отмены тарифов, введённых во время недавней американско-китайской торговой войны в целях борьбы с инфляцией. Хотя и, по словам древних, "одна ласточка не делает лета", кажется, что в этих прежде замороженных отношениях всё-таки есть движение.

ПРИНЯТЬ НОВЫЙ ЯЗЫК?

До сих пор Китай публично отвергал формулировку "стратегической конкуренции" — управляемой или неуправляемой. Принятие этого тезиса противоречило бы давней мантре Пекина о том, что его отношения с Соединёнными Штатами должны регулироваться тремя принципами Си: отсутствие конфликтов и конфронтации, взаимное уважение политических систем друг друга и взаимовыгодное сотрудничество. Однако, считает Радд, более фундаментально нежелание Пекина прямо охарактеризовать отношения как отношения стратегического соперничества проистекает из того, что это подтвердит, что Китай действительно участвует в реальной борьбе за региональное и глобальное превосходство. Это также противоречило бы официальной линии

Пекина, согласно которой его глобальные амбиции заключаются только в развитии "сообщества общей судьбы для всего человечества", а не в максимизации национальной мощи Китая.

Тем не менее, Китай, похоже, стремится принять реальность (если не язык) управления своими конкурентными отношениями с Соединёнными Штатами. В китайской системе, в гораздо большей степени, чем в американской, слова, используемые для описания стратегических рамок, имеют значение, потому что они могут санкционировать существенные действия со стороны должностных лиц рабочего уровня, которые, в противном случае оказались бы в языковой ловушке идеологической догмы. Это явление особенно заметно среди китайских дипломатов, чьи внутриполитические мотивы подтолкнули к националистической риторике "война-волка". Радд полагает, что необходимо идеологическое переосмысление сверху, чтобы санкционировать менее идеологическую и более прагматичную дипломатическую деятельность снизу.

Управляемое стратегическое соперничество могло бы помочь стабилизировать американо-китайские отношения в течение следующего десятилетия, когда соперничество между двумя сверхдержавами достигло бы своей наиболее опасной фазы по мере их приближения к экономическому паритету. Перспективы стабилизации могут быть самыми многообещающими в ближайшие шесть месяцев, в преддверии промежуточных выборов в США и XX съезда партии Си. Но решение огромного количества внутренних и международных проблем Китая (и, если на то пошло, Соединённых Штатов) займёт больше времени. Если и в Пекине, и в Вашингтоне обнаружат, что более управляемые отношения помогут им пережить предстоящий сложный период, они могут прийти к выводу, что это может быть полезно в долгосрочной перспективе.

Комментарий: Анализ Кевина Радда отличается от многих других на Западе своей взвешенностью и конструктивностью. Радд, как опытный дипломат и политик, ищет точки консенсуса в самых сложных ситуациях. И если бы американскую политику определял Радд, то его концепция "Управляемой стратегической конкуренции" действительно принесла бы успех и ослабила мировую напряжённость. Но мы видим, что у пульты принятия важных внешнеполитических решений в США сейчас находятся те, кто управляет не конструктивностью, а, наоборот, деструкцией. Они ломают все заградительные заборы для новой масштабной войны, установленные за десятилетия после окончания Второй мировой.

Материал подготовили Владимир ОВЧИННИКОВ и Юрий ЖДАНОВ